

СЕНСАЦИЯ

Свидетелями этого беспрецедентного события стали сотрудники Дома-музея П.И. Чайковского в Клину: директор Г. Белонович и зав. Отделом рукописных и печатных источников П. Вайдман, съемочная группа японской компании NHK, сотрудники Фонограммархива Пушкинского Дома (ИРЛИ) в Петербурге.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Рассказывает доктор искусствоведения Людмила КОРАБЕЛЬНИКОВА.

В начале 1960-х в Москву приехал, я бы сказала, примчался заведующий Фонограммархивом ИРЛИ Б. Добровольский. После возвращения Германии картин Дрезденской галереи процесс реституции продолжался еще некоторое время. Решено было возвратить и знаменитый Берлинский фонограммархив, фонды которого в заколоченных ящиках находились у Добровольского. Ему самому перед возвращением поручили срочно прослушать хранящиеся в тайне материалы.

Однажды ночью (воспроизвожу по памяти рассказ Бориса Михайловича), поставив очередной валик, он услышал нечто, от чего едва не потерял сознание: "Запись Юлия Ивановича Блока... Играет Сергей Иванович Танеев"; голосом Блока были маркированы место и время. "Кто такой Блок?" — кинулся ко мне Добровольский, зная, что я занимаюсь Танеевым.

Я уже хорошо "знала" Ю.И. Блока по переписке и дневникам Танеева, по архивам других московских музыкантов. Глава акционерного общества, которое доставляло в Россию новинки техники (среди них — фонограф Эдисона, впервые привезенный из Америки от изобретателя и сразу продемонстрированный Императору Александру III). Музыкант-любитель (ему посвящен Фортепианный квинтет Танеева op. 20), познавший историческое значение звукозаписи. Много сделал для развития технического прогресса в стране. Близко общался и переписывался со многими выдающимися музыкантами России (и, между прочим, сделал записи голоса Льва Толстого). В годы Первой мировой войны как "нежелательный иностранец" был выслан из России, жил в Германии и Швейцарии, оставил интересные мемуары, экземпляр которых есть в Клину. Поскольку значительная часть коллекции Блока была сделана в России, нам удалось добиться разрешения оставить ее в Ленинграде. Издана на пластинке запись сказителя Ивана Рябинина — былины, положенных в основу Фантазии Аренского, остальное (интереснейшее!) не опубликовано, требует громадной технической работы.

Блок общался с Чайковским, существовала обоснованная гипотеза о сделанной им записи голоса композитора. О "пионере российской звукозаписи" и судьбе его коллекции я сообщила в журнале "Orchester" (1994, № 10), озаглавив статью "Tschaikowskys Stimme auf Phonograph?". Знак вопроса свидетельствовал о том, что голос Чайковского в то время обнаружить не удалось. Тогда же, публикуя фрагмент мемуаров Ю.И. Блока в альманахе, выпущенном к 100-летию Дома-музея в Клину (составители Г. Белонович и П. Вайдман, 1995), рассказала об авторе воспоминаний русскому читателю.

НАЙДЕН ВАЛИК С ЗАПИСЬЮ ГОЛОСА ЧАЙКОВСКОГО

Голос Чайковского в нескольких фразах улавливается достаточно определенно: высокий баритон, необычайно эмоциональный, по всем признакам принадлежит Петру Ильичу.

ИСТОРИЯ

Говорит кандидат искусствоведения Полина ВАЙДМАН.

Мы знали, что Петр Ильич общался с Блоком на протяжении нескольких лет — до самой смерти композитора; знали и восторженный отзыв Чайковского о фонографе. Но сама запись оставалась легендой.

Летом нынешнего года (в Клинском музее начала работать японская съемочная группа), основываясь на консультациях Л. Корабельниковой, мы вновь обратились в Пушкинский Дом и попытались найти следы этой записи. Ответ из Петербурга был ошеломляющим: "Есть валик, в аннотации которого указано имя Чайковского". Были названы и другие имена, значившиеся в этой аннотации: Рубинштейн, Лавровская, Сафонов, Губерт.

Японская съемочная группа и мы с директором Музея Г. Белонович выехали в конце августа в Петербург, где нам показали полученную некоторое время назад из-за рубежа опись блоковской коллекции. Интересовавшая нас запись значилась под номером 283. Стало ясно, почему раньше не удавалось найти запись с голосом Чайковского: в отличие от других, этот валик не имел звуковой маркировки. Лишь благодаря описи и номеру на коробочке, в которой хранился валик, устанавливался факт записи голосов названных выше лиц.

Невозможно передать душевное волнение, с которым мы переступили порог Фонограммархива. Запись на валике запечатлела веселую бытовую сцену. Ее участниками были, вместе с Чайковским, певица Е. Лавровская, пианистка и инспектор Московской консерватории А. Губерт, пианист, дирижер, тогда — директор Московской консерватории В. Сафонов и, очевидно, А. Рубинштейн, которого все присутствовавшие настойчиво просили что-нибудь сыграть. И хотя сегодня мы не готовы в точности определить голоса каждого из участников встречи, голос Чайковского в нескольких фразах улавливается достаточно определенно: высокий баритон, необычайно эмоциональный, по всем признакам принадлежит Петру Ильичу.

Вторично запись валика прослушивалась нами 17 сентября 1997 в присутствии сотрудников Фонограммархива и заместителя директора Пушкинского Дома А. Лапченкова. Прослушивание и дискуссия снимались группой NHK. К этому времени я собрала документальные свидетельства, подтверждающие возможность встречи у Ю.И. Блока всех перечисленных в аннотации лиц. Судя по воспоминаниям Блока и другим материалам, это могло произойти в ноябре-декабре 1889 года или, что скорее, 6-7 января 1890 в Москве, в квартире Сафонова — по просьбе Блока Чайковский и другие пытались убедить А. Рубинштейна сыграть для записи. Как вспоминал Ю. Блок, когда удалось уговорить знаменитого пианиста, сели аккумуляторы, и сеанс не состоялся. Таким образом, оказался записанным очень живой по тону и непосредственный по настроению эпизод, в котором ошутимы характеры каждого участника.

Предстоит еще большая работа по расшифровке всех разговоров, полной идентификации голосов. Но наличие на валике записи голоса Чайковского уже не оставляет сомнений. Характерная лексика, интонация — словно ожившая речь Чайковского, так хорошо знакомая по его письмам, дневникам.

Конечно, все происшедшее стало возможным не только благодаря появлению описи коллекции, но и кропотливой работе сотрудников Пушкинского Дома Ю. Кострова, В. Шиффа, Ю. Марченкова, которые добились очень высокого результата в воспроизведении звучания. Валик, записанный более 100 лет назад в Москве, переживший две мировые войны, совершивший перемещение из России в Германию и обратно, открыл свою тайну. Спустя столетие, мы услышали живые голоса корифеев прошлого.